

10. Полное собрание русских летописей. – Т. 1 : Лаврентьевская летопись. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 496 с.

11. Звіздецький, Б. А. Про час виникнення та соціальну типологію літописних «градів» Древлянської землі / Б. А. Звіздецький // Український історичний журнал. – 1990. – № 3. – С. 77–81.

12. Крадин, Н. Н. Понятие «племени» в современной антропологии / Н. Н. Крадин // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2015. – № 2. – С. 4–12.

13. Семёнов, Ю. И. Льюис Генри Морган: легенда и действительность / Ю. И. Семёнов // Советская этнография. – 1968. – № 6. – С. 3–24.

Темушев С.Н.
ИСТОЧНИКИ ПО ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУСИ И ЛИТВЫ
(X – НАЧАЛО XIII в.)

Ключевые слова: Древняя Русь, литва (литовцы), ятвяги, летописи, хроники, данническая зависимость.

Во многом неразработанность проблемы отношений Руси и литвы до середины XIII в. обусловлена состоянием источниковой базы. Крайне фрагментарны известия о литве (как этнического образования) для периода до начала XII в. в Повести временных лет: кроме указания в недатированном этнографическом введении на выплату дани литвой Руси, имеется лишь сообщение о походе киевского князя Ярослава Мудрого на литву в 1040 г. [7, с. 10, 67]. Намного более информативными оказываются сообщения Новгородской первой летописи (младшего и старшего изводов). Данный письменный памятник во многих случаях позволяет дополнить и уточнить информацию других летописных сводов, явившихся продолжением Повести временных лет. Среди последних наиболее важная роль в освещении возросшей военной активности литовцев принадлежит Радзивилловской и Ипатьевской летописям [3]. Касательно периода XIII в. Ипатьевская летопись основана на Галицко-Волынской хронике.

Политическая раздробленность Древней Руси, важнейшей чертой которой являлась полная самостоятельность правителей отдельных княжеств-земель в проведении внутренней и внешней политики, имела следствием появление областного летописания, в большей степени отражавшего местные события. Участие литвы в междоусобных войнах в древнерусских княжествах землях, а затем и начало самостоятельных литовских нападений на них нашло отражение в летописях новгородских и псковских, в среде которых первостепенное значение для нашей темы принадлежит Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов [6]. Наряду с примерами военного противостояния Литвы и Галицко-Волынской земли, использования литовских сил в своих политических целях древнерусскими и польскими князьями, данная летопись содержит ценнейшую информацию о конкретном содержании даннической зависимости прибалтийских племен от Руси (касательно ятвягов) [5, с. 131]. И в отношении Галицко-Волынского свода (в особенности), и в отношении других летописных памятников в изучении русско-литовских контактов сохраняется проблема датировки тех или иных событий. Эта проблема приобретает тем большее значение для нашей темы в связи с тем, что одно и то же событие (походы русских князей против литвы, набеги литовцев на русские земли) может быть представлено в различных летописных сводах под разными годами. Существует очень большая вероятность того, что под разными годами в разных источниках рассказывается об одном событии. Опасность умножения событий, связанная с отмеченным обстоятельством, часто игнорируется в исследованиях, затрагивающих проблему русско-литовских отношений.

Существенные дополнения вносят в изучение интересующей нас проблемы польские источники, отмечающие начало литовских нападений на Польшу с 1209–1211 гг.

[11, s. 18, 20, 33]. Следует однако отметить, что в ранних польских хрониках первые упоминания о контактах с литвой относятся к более позднему времени. Так, в хронике Межвы, или Дзежвы (конец XIII в.), ставшей продолжением наиболее популярной в Польше хроники Винцента Кадлубка, литовцы фигурируют начиная с их набега в 1243 г. [11, s. 20]. В Великопольской хронике (время создания и авторство – предмет дискуссий, считается, что в основной своей части она создана в конце XIII в.) [4, с. 134] литовцы появляются около 1228 г., но наиболее часто встречаются с 40-х гг. XIII в. Первое упоминание «литвинов» в Великопольской хронике связано с активной деятельностью Конрада Мазовецкого. Автор хроники утверждает, что именно по призыву последнего «языческий народ впервые начал опустошать Польское королевство» [1, с. 149]. Что показательно, идея призыва на помощь «язычников» приписывается жене Конрада – русской княжне, каковой являлась дочь владимирово-волинского князя Святослава Игоревича – Агафья. Кроме того, в недатированных фрагментах применительно к XII или первой половине XIII в. литовцы упоминаются в польских рочниках (например, в силезском сокращенном рочнике) [15, р. 720]. Однако наиболее часто литовцы фигурируют в рочниках с 40–50-х гг. XIII в. [11, s. 31]. Таким образом, в ранней польской исторической традиции литва, несмотря на близкое соседство с польскими землями, довольно поздно оказывается в поле зрения хронистов, причем, первоначально в качестве пассивной силы, используемой в междоусобных войнах.

Наиболее ценные свидетельства о внешнеполитической активности литвы в период до создания ею собственной государственности содержатся в «Истории Польши» Яна Длугоша (создана в основном в 1455–1467 гг.), по праву признаваемой «неоспоримой вершиной польской средневековой летописной традиции» [4, с. 135]. Ценность труду Длугоша придает, кроме всего прочего, то обстоятельство, что польский хронист пользовался источниками, которые не дошли до нашего времени. Первые датированные упоминания о «литвинах» у Длугоша под 1040, 1103 и 1112 гг. фрагментарны или являются следствием недоразумения: в 1040 г. из-за смуты в Польском королевстве люди бежали в сторону Руси и Литвы; под 1103 г. нашествие саранчи (древнерус. «прузи») было принято за набег пруссов, к которым были добавлены и литовцы [10, с. 252, 294]; под 1112 г. в связи с походом Ярослава Святополчича на ятвягов говорится о том, что последние по своим языку, религии, нравам и обычаям очень похожи на литовцев, пруссов и жмудинов [10, с. 300; 12, s. 453–454]. И, наконец, в VI книге «Истории» Длугоша под 1205 г. помещен подраздел «Первые слухи об имени литовцев» (досл.: «Неизвестных миру литвинов первый раз дается услышать название») [10, с. 350; 13, s. 169]. Это первое известие о литовцах дошло до Польши в связи с их набегом на Русь, где против нападавших выступили князья Ольговичи. Данная информация была почерпнута из какого-то древнерусского источника, имевшегося в распоряжении польского хрониста. Несомненно, это же событие нашло отражение в краткой записи Радзивилловской (это ее последние слова) и Троицкой летописей («Тои же зимы бишася Ольговичи с Литвою») [9, с. 162; 8, с. 286–287], датируемой зимой 1203–1204 гг. Возвращаясь же к хронике Яна Длугоша отметим, что именно в рассматриваемом фрагменте указывается на давнюю данническую зависимость литвы от Руси: «Тогда впервые услышано имя литвинов, которое до этого времени не было известно: так как находясь в подчинении у русинов, многие годы приносили дань вениками для бани и лыком» [13, s. 169].

В 10-й книге своего труда Длугош вернулся к вопросу о дани литвы (впрочем, возможно, данный фрагмент был записан на бумаге раньше, поскольку автор приступил к написанию древнейшей истории позднее) [10, с. 15]. В данном месте приведено предание о взимании русскими князьями дани с литовцев «много лет» корой дубовых ветвей, «ибо нельзя было взимать с них большего, вследствие бесплодия земли» [2, с. 14; 14, s. 446]. В данном случае важно сохранение в исторической памяти самого факта

долгой даннической зависимости литвы от Руси (согласно Длугошу, дань была наложена на литовцев, поскольку они заняли леса, состоявшие во владении русских), а не указание на содержание этой дани (польский хронист неоднократно указывает на долгий период даннической зависимости литовцев от «русинов»: «przez długie lata», «przez lat blisko tysiąc» [15, s. 446, 447]).

Датировка первых внешнеполитических актов самих литовцев у Яна Длугоша достаточно проблематична. В выдержках из источников к «Истории Польши» сохранилась информация о поражении поляков и венгров от русских и литовцев в 1209 г. Но в сам труд польского историка в статью 1209 г., пространно рассказывающую о неудачном польско-венгерском походе на Русь [10, с. 353–357], данная информация не попала. Наконец, под 1211 г. у Длугоша помещено конкретное указание на участие литовцев в польско-русских отношениях. Более того, это сообщение как будто свидетельствует о том, что литовцы еще раньше познакомились с польскими землями. Так, в «Истории Польши» читаем, что князья Руси «с помощью и по подсказке литовцев» разоряли польские земли [10, с. 358; 13, s. 182]. Следовательно, литовцы должны были быть знакомы с дорогами, ведущими в Польшу. Высказано предположение, что в более раннее время литовцы могли участвовать в набегах на Польшу с ятвягами, чьи грабительские акции упоминаются с середины XII в. [11, s. 19]. Между тем датировка «литовской помощи» 1209-м г., несомненно, неверна. Упомянутый под этим годом ответный поход сандомирского каштеляна Сулислава уже был описан самим Яном Длугошем в статье 1206 г. Другие же источники позволяют уточнить эту дату – это 1210-й г. [11, s. 20]. Для нас же важно, что в наиболее раннем датированном сообщении Длугоша о литовцах последние выступают как союзники русских князей. Наконец, под 1216 г. польский хронист приводит сразу две враждебные по отношению к русским землям акции литвы, и в целом этим событиям дается заголовок: «Война между литовцами и Русью».

С определенного времени события в Восточной Прибалтике начинают интересоваться западноевропейских хронистов. Начало немецкой экспансии в Прибалтике имело своим следствием появление обстоятельных немецких латиноязычных хроник, в ряду которых для изучения заявленной проблемы первостепенное значение имеет «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского, а также Ливонская рифмованная хроника [10]. Ко времени активного немецкого «натиска» в Прибалтике относится и появление актового материала, но для историка он оказывается полезен при освещении более позднего периода русско-литовских отношений.

Таким образом, источники позволяют наметить эволюцию политических взаимоотношений Руси и литвы. Самая общая тенденция заключается в постепенном усилении Литвы и принципиальном изменении характера ее взаимоотношений с Русью: от безусловного подчинения и выплаты дани к участию в междоусобных войнах и переходу к собственным грабительским набегам, а затем и территориальным захватам. Данная трансформация взаимоотношений была обусловлена не только переменами в политической ситуации на восточнославянских землях (начало периода политической раздробленности), но и изменениями в самом литовском обществе: разложении родоплеменного строя, выделении племенной верхушки, определенном прогрессе в экономическом развитии, позволившем мобилизовать часть населения для проведения военных акций и т.д.

1. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. (Перевод и комментарии) / под ред. В. Л. Янина; сост. Л. М. Попова, Н. И. Щавелева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 264 с.

2. Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Ян Длугош. – СПб. : Наука, 2007. – 211 с.

3. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – 2-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2001. – Т. II. – 648 с.

4. Источниковедение истории южных и западных славян. Феодальный период / отв. ред. Л. П. Лаптева. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1999. – 252 с.

5. Котляр, Н. Ф. Галицко-Волынская летопись. Текст, Комментарий. Исследование / Н. Ф. Котляр. – СПб. : Алетей, 2005. – 425 с.
6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. : ЯРК, 2000. – 720 с.
7. Повесть временных лет / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб. : Наука, 1996. – 668 с.
8. Приселков, М. Д. Троицкая летопись : Реконструкция текста / М. Д. Приселков. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 515 с.
9. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 38. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – 177 с.
10. Щавелева, Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): Текст, перевод, комментарий / Н. И. Щавелева. – М. : Памятники исторической мысли, 2004. – 495 с.
11. Błaszczyk, G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności / Grzegorz Błaszczyk. – Tom I. Trudne początki. – Poznań : Wydawnictwo naukowe UAM, 1998. – 304 s.
12. Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / Wydane staraniem A. Przezdzieckiego. – T. I. – Ks. I, II, III, IV. – Kraków : W drukarni “Czasu” W. Kircumayera, 1867. – 519 s.
13. Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / Wydane staraniem A. Przezdzieckiego. – T. II. – Ks. V, VI, VII, VIII. – Kraków : W drukarni “Czasu” W. Kircumayera, 1868. – 530 s.
14. Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / Wydane staraniem A. Przezdzieckiego. – T. III. – Ks. IX, X. – Kraków, 1868. – 480 s.
15. Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe Polski. – T. III. – Lwów : W komisie księgarni Gubrynowicza i Schmidta, 1878. – 876 p.

Нікіфаровіч М.А. ВІСЛАЯ ПЯЧАТКА XII ст. З ВЫЯВАЙ СВЯТОЙ АЛЕНЫ З ХОЙНІЦКАГА РАЁНА ГОМЕЛЬСКОЙ ВОБЛАСЦІ: СПРОБА АТРЫБУЦЫ

У 2023 г. пры правядзенні сельскагаспадарчых прац на полі бліз в. Высокае (Стралічаўскі сельсавет), Хойніцкага р-на, Гомельскай вобл., прыватнай асобай была знойдзена свінцовая віслая актавая пячатка – була. Падрабязная інфармацыя аб знаходцы разам з яе фатаздымкамі былі перададзеныя аўтару артыкула для вывучэння і атрыбуцыі. Була ўяўляе несумненную цікавасць для даследчыкаў.

Сярэднявечныя актавыя пячаткі адносяцца да рэчаў, якія з’яўляюцца паказчыкам справаводства і дакументазвароту эпохі станаўлення і росквіту першых дзяржаўных утварэнняў на тэрыторыі Усходняй Еўропы. Пячаткі такога тыпу з’яўляюцца прамым адлюстраваннем самаасэнсавання і разумення сваёй ролі ў дзяржаўным кіраванні прадстаўнікамі вышэйшай палітычнай, вайскавай і духоўнай улады, а таксама паказчыкам дыпламатычных адносін.

Сучасныя археалагічныя дадзеныя дазваляюць казаць, што на значнай частцы тэрыторыі Усходняй Еўропы ў перыяд з X па XV стст. віслыя пячаткі мелі досыць шырокае распаўсюджанне [1, с. 241; 2]. Не выключэннем з’яўлялася і тэрыторыя сучаснай Беларусі, дзе за апошнія дзесяцігоддзі было знойдзена не мала колькасць падобных артэфактаў [3, с. 14; 4; 5, с. 24–26; 6, с. 93], прыналежных як выхадцам з беларускіх земляў, так і іншаземцам.

Віслыя пячаткі прымацоўваліся – падвешваліся на дакумент, ад чаго і атрымалі сваю назву. Як правіла, яны ўяўляюць з сябе акруглы прадмет з мяккага металу (звычайна свінца), на якім з абодвух бакоў адціскаліся выявы святых і надпісы.

Віслыя пячаткі традыцыйна выконвалі некалькі асноўных функцый, сярод якіх наданне дакументу юрыдычнай моцы, падкрэсленне яго аўтэнтычнасці і ўказанне на асобу, ад якой сыходзіць дакумент. Зыходзячы з выдзеленага функцыяналу падобных пячатак зразумела, што выкарыстоўваць у часы сярэднявечча іх маглі выключна людзі з вышэйшых колаў грамадства, перадусім князі, набліжаныя да іх асобы, прадстаўнікі вышэйшага духавенства, вайсковыя кіраўнікі і інш. Адзін з традыцыйных тыпаў афармлення віслых пячатак XI–XII стст., да якога належыць і пячатка, апісаная ў артыкуле, уключаў ў сябе адцісканне на металічнай нарыхтоўцы рэльефнай выявы святога нябёснага заступніка асобы, якой належала пячатка, а таксама малельнага